

ИСХОДА
НЕ БУДЕТ

Николай Рассадин

Николай Рассадин

Исхода не будет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31186768

ISBN 9785449051165

Аннотация

«Исхода не будет» – это не прогноз и не предсказание. Это размышления о том, готовы ли мы к переменам в повседневной жизни и в глобальном масштабе. Меняйте мир вокруг себя, меняйтесь сами.

Содержание

Мне тридцать три	5
Нет повести печальнее на свете	6
Остров свободы	7
Багдадский вор	9
«Уже не будет небо бирюзовым...»	11
Неприкаянный поэт	12
Карфаген и Троя	14
Нелюбимая	15
В иные времена	16
Побег	18
От Екклесиаста	19
Атлантида	20
На круги своя	21
«Их клеймили и порочили...»	22
«С тобой не будет ни реки, ни рощи...»	23
Прозрение	24
Три трети	25
Багет	27
Двойные стёкла	28
Зима	29
Меж нами года	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Исхода не будет

Николай Рассадин

© Николай Рассадин, 2018

ISBN 978-5-4490-5116-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мне тридцать три

В твоих глазах: «Помилуй и прости!»
Но прошлые обиды не прощая,
Мне даришь прошлогодний снег в горсти
И вечный календарь индейцев майя,
Который обещает страшный суд
Раз в пятилетку, плачьте, пирамиды.
Предать тебя успеет Юний Брут,
Имевший на твою планиду виды.
Мой милый друг, погрязший в суете,
Оставь надежду на исход из плена,
Ты не способен птицею лететь,
Ты не способен перерезать вены.
Смирись. Усни. Пусть кратким будет сон,
Он принесёт тебе упокоение.
Тебе приснится африканский слон
И райских птиц божественное пенье.
А утром солнца луч пронзит глаза,
И ты, ослепнув, обретёшь свободу.
Теперь прощай, я всё тебе сказал,
Мне тридцать три исполнилось отроду.

Нет повести печальнее на свете

В ночи услышав вой собаки дикой,
А в унисон собак домашних лай,
Вставляй в петлицу алую гвоздику
И «песне» этой громко подпевай.

Безумству храбрых и рассудку трусов
Ты будешь петь, октябрь веселя,
А за тобой толпа юнцов безудных,
Готовых строить этот мир с нуля,

Готовых, мир насилия разрушив,
Полмира утопить в густой крови.
Услышат вой имеющие уши
И будут каждый лай дрожа ловить.

«Нет повести печальнее на свете»,
Сулящей нам победу светлых сил.
В рай попадают, к счастью, только дети,
Которых светлый мир не доносил.

Остров свободы

Мне, конечно, предстоит исход
Из угрюмых, северных болот,
В жаркую, сухую Палестину.
Это для меня не алия,
Не сбежать назад смогу ли я
К тем, кого на миг не мог покинуть?

Эта вероятность велика,
Государства твёрдая рука
Всё сильнее давит мне на шею.
Дифирамбы петль не мой удел,
Я и тем, из юности, не пел,
Просто говорил, что не умею.

И пишу я, видимо, не то,
И не в то хожу читать лито,
И не знаю чаяний народа.
А за это спросится с меня:
– С кем ты, сука, власти изменял?
И зачем тебе, урод, свобода?

Так что точно предстоит исход:
Третий философский пароход
Станет в синем море-океане

Островком потерянных людей,
Островком потерянных идей,
Островом Свободы завтра станет.

Багдадский вор

Это не закончится никогда,
Снова Вор захватил на трон в Багдад.
Всё спокойно в городе славном.
Колотушкой сторож стучит в ночи,
«Всё спокойно в городе!» – в ночь кричит,
А спокойствие не бывает халявным.

За спокойствие надобно заплатить,
Было бы что кушать, чего испить,
Ребятишки наши здоровы, и слава Вору!
А то придёт какой-нибудь пришлый тать
И начнёт Багдад, как ладью, шатать,
Так не избежать Багдаду святому мора.

Мытари слоняются по дворам,
Строить Вору надобно новый храм.
Там за вас молится отец святой будет.
Он не может нищим быть и босым,
Цепь на шее – золото и часы —
Золото, а вас своим судом судит.

А опричников в Багдаде не сосчитать,
Чтоб не думал рыпаться пришлый тать,
Чтобы не смущал умы спокойно живущих.

А в одной руке у них ятаган,
А в другой руке пистолет-наган,
Несогласных – рубить, защищать «за Вором идущих».
Вечным будет этот спокойный ад,
Радуйся спокойствию, спи, Багдад!
И уйти захочешь, да не уйдёшь в дали.
На кордонах ловкие егеря,
Хвать бегущего, и в лагеря,
Вор багдадский за то раздаёт медали.

Это не закончится никогда,
Балаганы есть пока, есть еда,
А закон в Багдаде прихоть придворной своры.
Крепок щит у входа, высок забор,
Но придёт однажды багдадский Вор,
И отрубит голову он багдадскому Вору!

«Уже не будет небо бирюзовым...»

Уже не будет небо бирюзовым,
Не будут кучевыми облака.
По мостовой зацокают подковы,
И вверх взлетит жандармская рука
С зажатой крепко воронёной сталью
И резко хищной птицей упадёт
На тех, кто поперёк дороги встали,
На тех, кто общим строем не идёт.
Как будто из свинцовых туч отлиты,
Стальным стволам свинца не удержать...
Мы будем этой осенью убиты
За то, что не пытались возражать!

Неприкаянный поэт

Мы расстанемся с тобою,
Будет небо слезы лить.
Я непризнанным изгоем
Буду в oluttura пить,
Буду вспоминать и плакать,
Буду песни голосить
И бездомною собакой,
Буду молча грязь месить.
Этой повести грустнее
Во всём свете не обрести,
Здесь и тёмное темнее,
И горчит горчее здесь.
Здесь при встрече не обнимут,
При ошибке не простят.
Здесь весною птицы мимо
Над моим лицом летят.
Ночь длиннее, день короче,
Крест о четырёх концах,
Финский нож старуха точит,
Доброту согнав с лица.
Мне отсюда нет возврата
И отрады тоже нет,
Я из Родины изъятый
Неприкаянный поэт.

Карфаген и Троя

При всём при том, что Карфаген разрушен,
И Троя стёрта в прах с лица земли,
Истории итог уныло скушен.
Погасли медных пушек фитили,
Оставив ядра в глубине каналов.
Цена всему копейка номиналом,
Всего копейка, брошенная в пыль.
Небесный счетовод возьмёт без сдачи,
Большим подбросит пальцем наудачу,
Любую сказку превращая в быль.
И Карфаген, и Троя суть руины,
Как неизбежность финишной черты,
Перенесёт художник на картины,
А любоваться ими будешь ты.
Ты будешь слепо верить первым встречным,
Несущим книжный рай в мешке заплечном,
Пергамента усохшего листы.
А города, построенные после,
Париж, Москву, Калькутту или Осло,
Когда-нибудь в сердцах разрушишь ты!

Нелюбимая

Напряженная тишина между мной и тобой повисла,
И стекает февральский снег по зашторенному окну.
Я тебя не люблю, Москва, мне милее и краше Висла,
Я тебя не люблю, Москва, я всю жизнь у тебя в плену.
Это, в общем-то, добрый плен, это, можно сказать, удача,
Часовые не бьют меня ни по почкам, ни по щекам,
Здесь свидания и ларёк, где улыбку дают на сдачу,
Здесь рождаются образа и идут по чужим рукам.
От чего же так тошно мне и нерадостно в этом сити,
От чего же готов бежать я отсюда сквозь гам и шум,
Хоть куда, хоть на край земли, даже в мной не любимый
Питер,
Я сырым кислородом в нём кое-как, через раз дышу.
Напряжённая тишина, и в такой тишине звенящей
Я пишу этот странный стих об отвергнутой нелюбви,
И луны первозданной диск, из окна на меня смотрящей,
Облаков кучевых пастух мне сегодня как дар явил.

В иные времена

Давным-давно, в иные времена,
Деревья были выше, сахар слаще.
В Эдема кущи двигалась страна,
И я туда же шёл, совсем пропащий.
Я шёл не в ногу, песню пел не так,
Всех раздражал неуставной причёской,
И девочка со мною шла не та,
Одетая изысканно и броско.
Был рай у нас сегодня и сейчас,
А то, что до и после, – всё неважно,
Кирпичный дом, второй проезд
Гаражный, а в нём квартира, снятая на час.
Всего хватало нам, и мы тогда
Не ждали коммунизма построения,
Есть для души бутылка «Ахашени»,
Для тела есть горячая вода.
А то, что на собраниях меня
Частенько называли ренегатом,
Я всех, кто это делал, извинял,
Фигня, они хорошие ребята.
Им просто так, как мне, не повезло,
Они привыкли в обещания верить,
Завязывать на несколько узлов
И запирать на три засова двери.

Я двери никогда не закрывал,
Я жил всегда открыто, нараспашку,
И, если было нужно, отдавал
Врагу свою последнюю рубашку.
И вышел я из тех, иных времён,
Раздетый и разутый, как на плаху,
Не помня ни регалий, ни имён
Тех, кто тогда носил мою рубаху.

Побег

Перепало мне теперь щедрот,
Необычным было это лето.
И забот твоих был полон рот
Из весны бежавшего поэта.

Терпкий запах полевых цветов
Не манил, но помогал забыться.
Веником снимая семь потов,
Помогала от грехов омыться.

Отпускай! В исподнем словно снег,
Я траву срезаю на покосе
И уже планирую побег
От твоих щедрот из лета в осень.

От Екклесиаста

От проглотившего Иона кита
До сонных улиц Третьего Рима
Вела тебя кривая верста
Всё мимо, мимо, мимо и мнимо.

Я вряд ли опознаю твой след,
В тебе кровосмешение песен,
А я всего лишь глупый поэт,
Мне мир твоих несбыточных – тесен.

И как теперь нам существовать,
Как ощущать изгибы излучин,
Ладони опуская в Ловать
И загребать лиловые тучи,

Похожие на тушу кита,
Пророка проглотившего всеу?
А суть всему – сует суета,
Екклесиаст потом растолкует.

Атлантида

Ты безумна, моя Атлантида!
Ты всё более сходишь с ума.
Плечи голые кутаешь в твиды,
В дряблость кожи втираешь крема.
Бесполезно, изрежут морщины
Потемневший от времени лик.
Умирает в мирке вкусовщины
Прохваливший болото кулик.
Отражение в зеркале мира
Всё сильнее пугает ворон.
Словно стрелы, цитаты Шекспира
В мозг впиваются с разных сторон.
Ты уходишь, уходишь под воду.
И, как проклятый, строя ковчег,
Сын Ламеха следит за погодой,
К Арарату готовит побег.

На круги своя

Всё возвратится на круги своя,
Стабильность станет смыслом бытия
И масло вологодское на булке.
Нам кухня станет площадью опять,
Где можно сокровенное сказать,
О чём не скажешь в тёмном переулке.

К соседям возвратится острый слух,
И если вас на кухне больше двух,
То это подозрительно, однако!
Один в ночи пронзительный звонок,
И ляжешь ты у официальных ног
Всего за то, что думаешь инако.

Не Бог судья, а тройка вчк,
Со «Стечкиным» поднимется рука,
И по подвалу загуляет эхо.
Всё возвратится на своя круги,
По почкам загуляют сапоги...
И пожалеешь ты, что не уехал.

«Их клеймили и порочили...»

Их клеймили и порочили,
Выворачивали плечи.
Их как лампы обесточили,
Затушили, словно печи.
И с тех пор ни света яркого,
Ни душевного тепла...
С веток вороны накаркали,
Перестук колёс в ГУЛАГ.
Номер тушью обозначенный,
Вохра с ватника сорвёт.
На заклатие назначены
Те, кто праведно живёт.

«С тобой не будет ни реки, ни рощи...»

С тобой не будет ни реки, ни рощи,
Не будет пенья соек и цветов.
С тобою будет всё гораздо проще,
И я, признаться, к этому готов.

Ты не заплачешь и не хлопнешь дверью,
Не подберёшь обидные слова.
А я в твою неискренность поверю,
Когда она проявится едва.

Мне будет хорошо, тебе не очень,
Но это выбор каждого из нас.
Мы оба состоим из многоточий,
Вторая четверть жизни первый класс.

Прозрение

...И не одно твоё желание
Исполнится, мой милый друг,
Когда остынешь от отчаянья,
Когда забудешь свой недуг.
Уснёшь, обласканный смирением,
Укрытый пледом бытия.
Раскрою тайну сотворения
Тебе без сожаления я.
А поутру, в окошко стылое,
Расписанное белизной,
Луч солнца, наполняя силою,
Ворвётся, сделав явь иной.
Шагни к нему, отбрось сомнения,
Под сердцем грусти не тая:
А право на твоё прозрение
Себе, мой друг, присвою я!

Три трети

Не отрицая истин прописных
И сказанного не опровергая,
Переплетаю цепь путей земных,
Иных хитросплетений избегаю.

Полощется твой парус на ветру:
Куда тебя несёт попутный ветер?
Одним движеньем в памяти сотру
Фрагменты бытия последней трети.

Закрыв глаза на твой ангажемент,
Переплету распущенные нити,
А ты, шагнув на свет, лови момент
И прячь в коробку неземных событий.

А тот, кто покусится на него,
Две трети бытия отсечь пытаюсь,
Своим поступком прогневит богов
И ужас полуночный испытает.

В нём криком захлебнётся тишина,
И целое из трёх третей родится...
Я из воды не сотворил вина,
Мне не дано содеянным гордиться!

Багет

Уснуть, закрыв глаза,
Но видеть сквозь ресницы:
Увяла бирюза,
И сморщенные лица
Затянуты в багет
На стенах ваших комнат...
Меня в тех рамках нет,
Меня никто не вспомнит.
Я не писал стихов,
Я не давал советы,
Я лица стариков
Затягивал в багеты!

Двойные стёкла

Сквозь двойное стекло окна
Я увидел, стоит она,
Прикрывая ладонью рот,
То ли плачет, то ли поёт.
Может, песня, а может, вой,
Не понять картины немой,
Сквозь двойные стёкла души
Ты ладонями звук души.
Всё бы понял я, если бы
Не двойные стёкла судьбы.

Зима

Приближалась тихо, как кошка,
Обливая землю глазурью.
Белую пастелью в окошки,
На стекле узор образуя.
Рисовала краской единой
Вдохновенно, раня мне душу,
Накрывала тонкою льдиной,
Белую, прозрачную тушью.
Мне осталось тихо смириться
И уснуть, свернувшись комочком.
Белая, как римский патриций,
Скуки и отчаянья дочка.

Меж нами года

Самое грустное здесь заключается в том,
Что между мной и тобою не будет «потом»,
Да и «сейчас», если честно признаться, меж нами
не будет.

Ты – похотливою кошкой, я – разжиревшим котом
(лапками вверх и хвостом по бокам, как кнутом),
Так и живём, где уложат – поспим, где поднимут –
разбудят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.